https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2025.22.1.005
УДК 94(47)“11/13”:27-526.62 + 811-112 + 81’373.231(470.1/.2) + 81’271 + 81’373.6

Карина Григорьевна Щипакова
стажер-исследователь Проектной лаборатории развития интеллектуальных состязаний по гуманитарным наукам, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4)
E-mail: kgshchipakova@gmail.com
https://orcid.org/0009-0008-3713-9395

Екатерина Сергеевна Можаровская
стажер-исследователь Проектной лаборатории развития интеллектуальных состязаний по гуманитарным наукам, стажер-исследователь Лаборатории комплексных междисциплинарных проектов, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4)
E-mail: mozharovskaya.k@gmail.com
https://orcid.org/0009-0008-3999-6614

Имя Янки Всеволодовны на фоне древнерусского антропонимикона XI–XVII вв.

Аннотация

Работа посвящена особенностям женского древнерусского антропонимикона, которые отчетливо демонстрируются при реконструкции полного имени Янки Всеволодовны, дочери Всеволода Ярославича. Необходимость в восстановлении исходного имени княжны стояла перед последующими древнерусскими книжниками и стоит перед современными исследователями, поскольку происхождение деривата *Янка* — единственной формы апелляции к княжне — крайне затемнено. В статье рассматриваются и уточняются гипотезы о возведении имени к христианским антропонимам *Анна* и *Иоанна*. На первый взгляд может показаться, что дериваты *Янка* и *Яна* являются производными от *Иоанна*, подобно тому как соотносятся форма *Ян* и полное имя *Иоанн*. Однако совокупность экстралингвистических данных значительно уменьшает вероятность наречения княжны в крещении именно этим антропонимом, что заставляет вновь обратиться к гипотезе о связи имен *Янка* и *Анна*. На материале книжных и некнижных источников допетровского времени прослеживается, насколько изменчиво место имен *Янка*, *Яна*, *Иоанна* и *Анна* в антропонимическом репертуаре Древней Руси. Тогда как антропоним *Анна* распространен на Руси еще с XI в. и впоследствии остается популярным, крайне малая распространенность имени *Иоанна* сопровождается его недостаточной актуализированностью в книжной традиции и отсутствием примет самостоятельного почитания св. Иоанны. Вместе с тем предположение об обретении имени *Иоанна* в постриге получило развитие в статье: реинтерпретация имен *Гаврия* и *Фегния* позволяет судить, что практика наречения монахинь намеренно экзотическими именами начала оформляться еще в XII в. Несмотря на кажущуюся частность, случай *Янки Всеволодовны* оказывается той точкой, в которой сходится изучение ряда других, более общих процессов, таких как освоение христианского набора имен, изменчивость аккомодирующей функции гипокористики и эволюция древнерусской полиномии.

© Щипакова К. Г., Можаровская Е. С., 2025

Ключевые слова

историческая антропонимия; имянаречение; допетровская Русь; месяцесловная традиция; патрональные святые; двуименность; гипокористика; Янка Всеволодовна

Благодарности

Публикация подготовлена по результатам исследования № 23-00-007 «Русские имена в исторической перспективе» в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”» (НИУ ВШЭ).
Авторы благодарят А. Ф. Литвину, А. А. Гиппиуса и М. Н. Саенко за ценные уточнения и предложения, высказанные в ходе обсуждений статьи.

Для цитирования

Щипакова К. Г., Можаровская Е. С. Имя Янки Всеволодовны на фоне древнерусского антропонимикона XI–XVII вв. // Вопросы ономастики. 2025. Т. 22, № 1. 123–148. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2025.22.1.005

Рукопись поступила в редакцию 10.04.2024
Рукопись принята к печати 19.10.2024

Karina Grigorievna Shchipakova
Assistant Researcher, Project Laboratory for Intellectual Competitions in Humanities, National Research University Higher School of Economics (21/4, Staraya Basmannaya St., 105066 Moscow, Russia)
E-mail: kgshchipakova@gmail.com
https://orcid.org/0009-0008-3713-9395

Ekaterina Sergeevna Mozharovskaya
Assistant Researcher, Project Laboratory for Intellectual Competitions in Humanities; Assistant Researcher, Laboratory for Complex Interdisciplinary Projects, National Research University Higher School of Economics (21/4, Staraya Basmannaya St., 105066 Moscow, Russia)
E-mail: mozharovskaya.k@gmail.com
https://orcid.org/0009-0008-3999-6614

The Name of Yanka Vsevolodovna and the 11th–17th Centuries Old Russian Anthroponymy

Abstract

This paper explores female Old Russian anthroponymy through the reconstruction of the full name of Yanka Vsevolodovna, daughter of Vsevolod Yaroslavich, Grand Prince of Kiev in the late 11th century. The derivative *Yanka*, the only form by which the princess is known, poses a significant challenge for both later Old Russian scribes and modern scholars. The study revisits hypotheses regarding the derivation of this name from the Christian anthroponyms *Anna* and *Ioanna* (*Joanna*). Although *Yanka* and *Yana* might be expected to derive from *Ioanna*, similarly to the correspondence between *Yan* (*Jan*) and *Ioann*, extralinguistic evidence suggests that the princess was unlikely to have been baptized as *Ioanna*, necessitating a re-examination of its connection with *Anna*. Drawing on ecclesiastical and secular sources from the Pre-Petrine era, the article traces the evolving roles of *Yanka*, *Yana*, *Ioanna*, and *Anna* in the anthroponymic landscape of Old Rus’. While *Anna* was widely adopted from the 11th century onwards, *Ioanna* was rare, sparsely represented in scribal

records, and lacked an independent cult related to the same-name saint. The possibility that *Ioanna* was adopted at monastic tonsure is further explored, so is the evidence that rare or exotic names such as *Gavriya* and *Fegniya* were assigned to nuns from as early as the 12th century. As it happens, the case of *Yanka Vsevolodovna* illustrates broader processes in Old Russian naming practices, including the assimilation of Christian names, the variable use of hypocoristics, and the evolution of polynomy.

Keywords

historical anthroponymy; naming practices; pre-Petrine Rus; church calendar; patron saints; dual Christian naming; hypocoristics; Yanka Vsevolodovna

Acknowledgements

This publication was produced as part of research No. 23-00-007, *Russian Names in Historical Perspective*, under the Research Foundation Program of the National Research University Higher School of Economics (HSE).

The author thanks Anna Litvina, Alexei Gippius, and Mikhail Saenko for their valuable clarifications and suggestions during the discussions of the manuscript.

For citation

Shchipakova, K. G., & Mozharovskaya, E. S. (2025). The Name of Yanka Vsevolodovna and the 11th–17th Centuries Old Russian Anthroponymy. *Voprosy onomastiki, 22*(1), 123–148. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2025.22.1.005

Received on 10 April 2024
Accepted on 19 October 2024

Введение

Древнерусское имя[1] — вся совокупность особенностей его происхождения, выбора и бытования — существенно отличается от имени современного. Важнейшее влияние на древнерусскую антропонимическую систему оказало крещение Руси: каждому новообращенному стало даваться новое христианское имя. Так оформилась одна из основных моделей древнерусской двуименности, когда одно имя соответствовало социальным, мирским ожиданиям, а другой антропоним, выбранный по месяцеслову, обретался во время крещения

[1] В классификации форм древнерусского христианского имени мы берем за основу терминологию, предложенную Б. А. Успенским [1969: 5–6]. Термин *каноническая форма имени* подразумевает имя, представленное в месяцесловах, памятниках религиозного содержания и т. д., и употребляется в отношении церковных деятелей и святых (*Иоанн*, *Феодор*). Каноническая форма имени принадлежит к церковнославянскому языку, а также зачастую определяется через противопоставление второй форме — литературной, или документальной, которая не маркирована как церковная и является стилистически нейтральной (*Иван*, *Федор*). Наконец, *разговорная форма*, или *гипокористика* (в настоящей статье мы считаем эти два термина полными синонимами), — зонтичное определение, включающее в себя усеченные (*Василь*, *Михаль*), стяженные (*Яким*, *Ян*), суффиксально образованные (*Федорко*) и другие формы. Кроме того, два способа образования гипокористики могут совмещаться, что происходит, например, с мужским именем *Янко*. В таком случае мы говорим о первичной гипокоризации (стяжении) и вторичной (суффиксации).

[Литвина, Успенский 2019: 110]. Стремительное заимствование христианских имен через византийское и южнославянское посредство повлекло за собой необходимость в их освоении, уподоблении и сближении с привычными языческими именами и их воплощениями [Зализняк 2004: 205].

Часть этих задач выполняла древнерусская гипокористика: еще не обладая привычной нам пейоративной или уменьшительной семантикой, до XV в. она была одним из средств для постепенной адаптации новых, пока что чуждых языку христианских имен [Литвина, Успенский 2006: 131–137; Буденная 2021: 32–34]. Позднее полная форма христианского имени стала менее маркированной, а диминутивы активно и осознанно начали использоваться для подчеркивания более низкого (или ситуативно заниженного) социального статуса одного актора по отношению к другому.

Одно из свойств гипокористики в целом — это способность к нейтрализации. Уменьшительные формы, во-первых, могут снимать наглядность грамматического противопоставления мужского и женского имени (например, совр. *Александр — Александра — Саша*; др.-рус. *Гостята* в БГ-9[2], по-видимому, женщина, а в БГ-527 — мужчина [НГБ 1953: 40–42]). Во-вторых, идентичная модель образования гипокористики, аналогичные словообразовательные средства доступны как христианскому, так и языческому имени (например, языческое *Маренка* из БГ-955 и христианское *Маринка*). В-третьих, одна гипокористическая форма может одновременно отсылать к двум разным производящим именам: например, совр. *Витя* употребляется по отношению как к *Виктору*, так и к *Виталию*; др.-рус. *Мирошка* может восходить к *Мирону*, *Миронегу*, *Мирославу*; и т. д.

В христианскую эпоху у древнерусского человека могло быть и более двух имен: в частности, по перенятому из Византии обычаю за пострижением в монахи следовало обретение нового имени[3], символизирующее «смерть» в миру и рождение в иночестве. Но подобная перемена не была строго

[2] Здесь и далее сокращение БГ с порядковым номером означает берестяную грамоту, цитируемую по [ДБГ].

[3] Существовало две традиции «подбора» монашеского имени: первая, вплоть до XIV в. более частотная, — по святцам в день пострига, подобно тому как выбиралось крестильное имя; вторая, позднейшая, доминировавшая со второй половины XIV — XV в., — по принципу совпадения первой буквы имен (*Аксинья* — монашеское *Александра*). Отдельные списки монашеских имен (например, в составе требников XVII в.) появились, соответственно, довольно поздно, однако они упрочили тяготение монашеского именослова к редким и специфическим именам. Подчеркнем при этом, что правила подбора иноческого имени не носят облигаторного характера, поскольку право окончательного выбора безусловно принадлежит игумену [см. подробнее: Успенский Б., Успенский Ф. 2017: 100–112]. Существенно, что, получив новое имя, человек продолжал пользоваться и своими прежними, мирскими именами [Успенский, Литвина 2018: 335].

обязательной, особенно поначалу. Так, Феодосий Печерский (ум. 1074), Мария, жена Всеволода Большое Гнездо (ум. 1206), московский князь Даниил Александрович (ум. 1303), тверская княжна Софья Ярославна (ум. 1305) и другие приняли постриг, по-видимому, сохраняя мирские имена [Успенский Б., Успенский Ф. 2017: 82–90].

По отношению к монахам могла использоваться как полная, так и гипокористическая форма имени, хотя последняя — гораздо реже[4] [Там же: 151–152]. Специфической практикой для женского монашеского именослова Московской Руси было создание новых иноческих имен от основ мужских антропонимов (*Михаил — Михаила*, *Николай — Николая*, *Сергий — Сергия* и пр.) [Там же: 142]. Разумеется, существуют парные христианские имена, которые были образованы до заимствования на древнерусскую почву, например *Александр — Александра*, *Дарий — Дария*. При этом мужской и женский варианты вовсе не обязательно обретают равную популярность: так, к примеру, обстоит дело с распространенными женскими именами *Гликерия* (*Лукерия*), *Дария* (*Дарья*) и едва ли частотными парными мужскими именами *Гликерий*, *Дарий*.

Проблема реконструкции полной формы и статуса имени Янки Всеволодовны (ум. 1112/1113) и истории самой формы *Янка*, на первый взгляд, может показаться частной и малозначительной, однако на деле этот вопрос оказывается своеобразной точкой схождения в исследовании целого ряда других, более общих, процессов, связанных с адаптацией христианского именослова, эволюцией функции гипокористики, формированием монашеского антропонимикона, не говоря уже о взаимовлиянии культа личных патрональных святых и имянаречения. Ниже мы рассмотрим различные гипотезы о происхождении формы *Янка* и проанализируем возможность рецепции имени *Иоанна* на материале берестяных грамот, граффити, деловых документов, синодиков, печатных и рукописных евангелий и триодей, а также Лаврентьевской, Ипатьевской и Новгородской первой летописей.

Бытование форм *Яна*, *Янка*, *Ян* в XI–XVII вв.

В летописных источниках Янка Всеволодовна — дочь Всеволода Ярославича, сестра Владимира Мономаха, княжна и впоследствии инокиня — называется исключительно гипокористической формой *Янка*:

[4] Например, в житии Сергия Радонежского, написанном Епифанием Премудрым, послушник Троице-Сергиева монастыря фигурирует как «Иаков, рекомый Якута» [цит. по: Успенский Б., Успенский Ф. 2017: 151]. Таким образом, монах свободно назван гипокористической формой *Якута*, по всей видимости, производной от *Иаков* [Там же].

(1) **В лето 6594. Всеволодъ заложи цр҃квь ст҃го Андрѣꙗ при Иванѣ пр҃пбномь митрополитѣ . створи оу цр҃ви тоꙗ манастырь . в нем же пострижеся д҃щи его . дѣвою именемь Янька** (под 1086 г.) [Ипат.: стб. 200];

(2) **В се лѣто иде Янъка [в Грекъı д҃щи] Всеволожа . наре҃чна ꙗ пре҃ж . [и] приведе Янка митрополита Іѡана скопьчину** (под 1090 г.) [Лавр.: 208];

(3) **В лѣто 6620. престависѧ . Янка д҃щи Всеволожа . сестра Володимѣра. мс҃ца ноꙗбрѧ въ . г҃ . дн҃ь . положена бы҃с оу цр҃кви ст҃го Андрѣꙗ** (под 1112 г.) [Ипат.: стб. 273].

Более того, название киевского *Андреевского-Янчина* монастыря, первой настоятельницей которого была как раз Янка Всеволодовна, уже с XII в. образовано не от полной, а от гипокористической формы имени:

(4) **В лѣто [6639 (1131)]. сщ҃ена бъı҃с цр҃кви ст҃го Андрѣꙗ Янъчина манастъ҃рѧ** (под 1131 г.) [Ипат.: стб. 294].

Этой формой называют не только Янку Всеволодовну — диминутив *Янка* обнаруживается в текстах двух берестяных грамот:

(5) **покланѧние ѿ Ѧнокѣ со Сьлѧтою ко Ѧринѣ** ‘поклон от Янки с Селятой Ярине’ (БГ-731, XII в.);

(6) | **ѧнока** | **мацеха** | **Янка и ее мачеха** (БГ-1091, XII в.).

Другой пример содержится в новгородской (?) Минее 1097 г.:

(7) **Ѧн[ъ]** | **ка сѣ [ѧ]** | **ла** [Минея: л. 16][5].

Симптоматична и надпись на пряслице приблизительно того же периода:

(8) **Ѧнъка въдѧла прѧсленъ Жиръцѣ** ‘Янка дала [подарила] пряслень Жирке’ (дарственная надпись от Янки Жирке, 1000–1200, Старокиевская гора, Киев) [Медынцева 2000: 53–54].

О социальном статусе обладательниц этого имени в случаях (5–8) мы не располагаем никакими сведениями, однако с большой долей уверенности можно сказать, что речь не идет о княгинях или княжнах. Следовательно, распространение формы *Янка* не ограничивается ни княжеской средой, ни местностью — диминутив представлен как в новгородских, так и в киевских памятниках, но первой его обладательницей остается Янка Всеволодовна.

[5] Мы приводим реконструкцию и интерпретацию С. М. Михеева, согласно которой эта маргиналия представляет собой запись о том, что Янка «просеивала <…> через сито какой-то ингредиент, необходимый для приготовления чернил» [Михеев 2019: 22].

Как уже говорилось, нам неизвестно, какое «полное» имя стоит за этой формой и в какой ситуации оно было ею получено. В частности, пассажи (1) и (2) могут быть интерпретированы двояко: либо княжна носила это имя до пострига, либо обрела его уже в монашестве. Существует три гипотезы относительно того, чем по своей природе является форма *Янка*.

Во-первых, не исключено, что *Янка* — дериват языческого имени [Успенский Б., Успенский Ф. 2017: 152], но из-за малого количества несомненных ранних примеров, когда инок называется мирским нехристианским именем[6], проверка этого положения затруднена. Можно было бы полагать, что *Янка* — языческое имя княжны, обретенное до пострига, поскольку в это время князья вполне могли называть своих детей славянскими именами[7]. Однако в таком случае остаются непрозрачными этимология имени и семантика потенциального корня (или части корня) **ян-*. На данный момент никакого языческого антропонима — «кандидата» на роль исходного имени предложено не было, да и само его существование представляется нам сомнительным. Таким образом, гипотеза о языческой природе антропонима *Янка* не исключена, но ее непросто как доказать, так и опровергнуть. В связи с этим мы остановимся лишь на реферативном изложении этой проблемы, тогда как фокусом нашего исследования станет анализ более убедительной версии — о происхождении формы *Янка* от календарного имени.

Долгое время было принято считать, что имя Янки Всеволодовны восходит к христианскому *Анна* [см., например: Татищев 2: 95; РБС: 154][8], чему, вероятно, способствовало чтение Комиссионного списка Новгородской первой летописи «Анка» (вторичное, по мнению А. А. Гиппиуса [НПЛ: 646, прим. 33]) и ѧа, выправленное из а, в Ипатьевском списке (под 1086 г.) [Ипат.: стб. 200]. Действительно, имя *Анна* к этому времени уже было успешно усвоено как в целом на древнерусской почве, так и внутри династии. По-видимому, впервые оно проникает в княжеский именослов благодаря междинастическому браку — первой *Анной* в роду Рюриковичей стала жена Владимира Святославича, византийская принцесса Анна [НПЛ: 151]; Анной была, возможно, и одна из жен Ярослава Мудрого[9] [Литвина, Успенский 2006: 567]. Уже с середины XI в. имя

[6]Потенциальные свидетельства такой практики представлены на славянском материале (*Горазд*, черноризец *Храбр*). Подобные реконструкции возможны также по отношению к некоторым другим именам, встречающимся в древнерусских источниках (например, *Кукша* и др.), однако все они носят гипотетический характер [см. подробнее: Успенский Б., Успенский Ф. 2017: 151–152].

[7]Это утверждение относится и к сыновьям, и к дочерям. Так, брата Янки Всеволодовны зовут *Ростислав* (ум. 1093), а дочерей Святополка Изяславича (ум. 1113) — *Предслава* и *Сбыслава*.

[8]В современных житиях инокиня называется св. *Анной Всеволодовной*.

[9]В дополнение стоит отметить, что по версии, восходящей к Татищеву, но никакими релевантными сведениями из других источников не подкрепленной, имя *Анна* носила и жена Всеволода

Анна используется при наречении внутри рода: так, первой известной нам носительницей этого имени, рожденной в династии Рюриковичей, стала Анна Ярославна, родная тетка Янки Всеволодовны[10]. Древнерусские месяцесловы же потенциально могли содержать до пяти дней памяти различных святых по имени *Анна* [Лосева 2001: 149, 188, 220, 262, 391–392]. Очевидно и существование в домонгольской Руси культа по крайней мере одной святой с этим именем — достаточно вспомнить хотя бы гипотезу о закладке в Новгороде церкви свв. Иоакима и Анны в X в., не говоря уже о хорошо зафиксированном факте строительства такого храма при Всеволоде Большое Гнездо [Раппопорт 1982: 114]. Таким образом, имя *Анна* без затруднений могло быть дано княжне Рюриковне как в крещении, так и в монашестве.

В то же время в [НПЛ: 646, прим. 33] А. А. Гиппиус выдвигает другую гипотезу о полном имени княжны[11], ориентируясь при этом на имя одной из жен-мироносиц. В таком случае *Янка* — производная форма от *Иоанна*, по образованию аналогичная мужскому парному стяженному деривату *Ян*.

Распространенность деривата *Ян* сомнений не вызывает. Летописные персонажи, именуемые подобным образом, появляются с XI в. и продолжают отмечаться далее: *Янь Вышатич* и его жена *Мария Ꙗноваꙗ* (9); *Янь*, посол Александра Всеволодовича (10); *Янец*, пленник князя Даниила Романовича (11):

(9) **престависѧ Ꙗноваꙗ. їменемь Мр҃ьꙗ** [Ипат.: стб. 204];

(10) **посла Ꙗна своего. Мьстиславоу бо рекшю твоꙗ бѣ рѣчь Ꙗню** [Ипат.: стб. 746];

(11) **того же дни бишасѧ весь днь. wлнѣ до нощи. тое же нощи оуверноуша Данилъ. и Глѣбъ Зеремѣевичъ. ꙗста Ꙗньца. младъ сы показа моужьство свое** [Ипат.: стб. 734].

Этот антропоним оставался употребительным и гораздо позже, в XV–XVII вв. Показательно, что имя *Ян* получает распространение в том числе и во вторичной гипокористической форме (12–15), в этом же виде проникая в патроним (*Янков*), как в примере (15):

(12) *Да отпустили мы х тебе гс̈дрю к Москве костромских мужиков Янку Сергеева да Ивашку Федорова* (Архив стольника Андрея Ильича Безобразова, XVII в.) [НКРЯ];

Ярославича [Татищев 2: 128].

[10] Имя *Анна* в позднейшее время устойчиво закрепилось в традиции имянаречения княжон в династии Рюриковичей. Так, например, назвали своих дочерей Юрий Ярославич Туровский, Мстислав Удалой, Дмитрий Борисович Ростовский, Святослав Иванович Смоленский [РБС: 154–155].

[11] Такое же предположение было высказано в [Успенский Б., Успенский Ф. 2017: 153].

(13) *178-г(о) году актября в 16 де(нь) привезли чюбаровские деловые люди Фил(ь)ка да Янюк* (Архив стольника Андрея Ильича Безобразова, XVII в.) [НКРЯ];

(14) *А купчюю писал села Нахабина диячек Янька Иванов сын Дмитровцов лета 7111-го мая в 31 день* (Акты феодального землевладения, XVII в.) [НКРЯ];

(15) *Гаврилку Огафонову. Ивашку Янкову*[12]. *Мелешкѣ Яковлеву…* (Разрядный приказ. Московский стол, 1571–1634) [НКРЯ].

Таким образом, модель *Иоанн* > *Ян* (*Янь*) > *Янко* / *Янка*[13] оказывается более чем продуктивной для мужского имени. Основа от гипокористических форм имени *Ян* фигурирует и в топонимах:

(16) *И приде противу ему ко Янчину селцу* (Холмогорская летопись, 1149 г., 1540–1560) [НКРЯ];

(17) *…да пустошь Янчиково* (Купчая (продажная) Ивана Васильева сына Будаева боярину Дмитрию Ивановичу Годунову на с. Исаковское с д. и пуст. в Плоскине ст. Костромского, 1578–1579) [НКРЯ].

Итак, можно констатировать, что форма *Ян* от популярного мужского имени *Иоанн*, а также диминутивы *Янко*, *Янец* получили большое территориальное и темпоральное распространение.

Носительницы же формы *Яна*[14] встречаются достаточно редко. Одним из немногих важных свидетельств бытования этого деривата становится «Устав о брацех» из Новгородской кормчей 1282 г.:

(18) **Тако єсть право ѵнє поиманиꙗ, брата два — то двѣ колѣнѣ; дѣти твою — то д҃ѳє колѣно: дотолѣ нѣлзѣ поиматися. Вноѵчи тою — ѕ҃-є колѣно: нє лзѣ жє з҃-є колѣно и и҃-є, то оѵжє достоино поиматисѧ.** <...> **А ѿ иного рода: Марфа и Ꙗна — сєстрѣ Ꙗна роди Ꙗкова** [ПДКП: 143].

[12] В примерах (14) и (15) интересно взаимоисключающее сосуществование имени и патронима от основ *Ян-* или *Иван-*, которое можно связать с попыткой избежать тавтологического имени и отчества.

[13] Обратим внимание на то, как проявляется нейтрализующее свойство гипокористики: форма *Янка* оказывается употребительной в отношении и мужчины и женщины.

[14] Разумеется, форма *Яна* (*Jana*) представлена в западнославянских и южнославянских письменных памятниках и фиксируется, например, в хорватском, словенском, польском, старочешском языках, однако история распространения и модификаций этого антропонима требует дополнительного изучения, поскольку его происхождение вполне может носить нетривиальный характер. В качестве предварительного замечания приведем один пример бытования формы *Jana* [HJP]. Важно, что в данном случае *Jana* — запись имени *Анна*, которое подверглось регулярному изменению, так как в кайкавском наречии обязательна протеза начальной гласной.

Источником устава является Эклога, древний византийский законодательный документ [Павлов 1887: 118]. Тем не менее Новгородская кормчая вбирает в себя исключительно содержательную часть (условия заключения брака), но никак не формальный аспект — примеры с включением антропонимов в греческом документе попросту отсутствуют [Эклога: 44]. Это, по-видимому, свидетельствует о том, что такую форму устав приобрел исключительно на древнерусской почве. Писец присваивает имена братьям, сестрам, мужьям и женам разных поколений для наглядной демонстрации того, в каких случаях брак невозможен. Вероятно, книжник выбирал по большей части простые, уже усвоенные к тому времени антропонимы, такие, например, как *Андрей*, *Иванъ*, *Мария*, *Марфа*, *Никола*, *Олена*, *Прокопий*, *Феодоръ*, *Христина* (если не популярность, то стилистическая нейтральность и нарочитая обыкновенность их, как кажется, не вызывает сомнений)[15]. В этом ряду также возникают *Ян* и *Яна*: это, по-видимому, говорит о том, что в конце XIII в. оба эти деривата были скорее обычными для древнерусского книжника и воспринимались как немаркированные.

С лингвистической точки зрения образование *Иоанна* > *Яна* по аналогии с *Иоанн* > *Ян* логично. Начальная йотированная *а* появлялась в результате стяжения зияний *иа*, *иоа*, ср. *Иаков* > *Яков*, *Иоаким* > *Яким*. Тем не менее эта гипотеза сопряжена с некоторыми трудностями, связанными, в частности, с тем, что при чтении некоторых берестяных грамот возможно интерпретировать древнерусское графическое воплощение **Ѧна** — предполагаемое промежуточное звено в словообразовательной цепочке *Иоанна* > *Яна* > *Янка* — как восходящее к *Анна*. К такому допущению подталкивает тот факт, что удвоенная *-нн-* формы *Анна*, если между согласными не написан вставной *ь*, зачастую утрачивается.

Возведение формы **Ѧна** в примере (19) к каноническому *Анна* почти несомненно, если принять точку зрения В. Л. Янина и А. А. Зализняка, которые настаивают на том, что в грамоте представлен список для патрональной композиции, где св. Анна — патрональная святая Анны, игуменьи Варварина монастыря, известной по Новгородской первой летописи [НГБ 1986: 27; см. также: НПЛ: 33]:

(19) **ѧна**
григори
Іс҃ хс
ѳєдоси
за|ха|ри|и (БГ-553, XII в.).

[15] Отметим, впрочем, что данный набор имен может объясняться не только их расхожестью, но и, например, описанием родственных отношений какой-то конкретной семьи, используемой в качестве образца.

Что стоит за графической формой **Ѧна** в прочих берестяных грамотах, трудно восстановить однозначно, однако в большинстве грамот церковного содержания *Анна* в качестве производящего полного имени восстанавливается с большей вероятностью, нежели *Иоанна*.

Характер грамоты (20), которая, возможно, представляет собой «обрывок каких-то клировых росписей, включающих, например, имена пономарей и проскурниц» [НГБ 1978: 103], не обеспечивает достаточного количества контекстуальных сведений для реконструкции полной формы:

(20) **петре : евана : маримиѧна : ѧна :**
георегиѧ : ѳедорь прокопиѧ
оводокиѧ ев[а]на рожво
еоу[п] (БГ-506, XII в.).

Помимо всего прочего, запись **Ѧна** может редуплицировать финаль имени *Маремьяна*, искажая ожидаемое *Ана*. Несмотря на несколько более ясное содержание, грамота (21) не позволяет однозначно восстановить полную форму от **Ѧна**:

(21) **настасѧѧ настасьѧ марѳа марьѧ ѧна ѳьдосѧ сьмьна ильѧ** (БГ-595, XII в.).

Согласно чтению В. Л. Янина и А. А. Зализняка, текст состоит из двух фразовых частей, которые являются заказами иконописцу: 1) *Настасѧѧ — Настасьѧ*, *Марѳа*, *Марьѧ*, *Ѧна*, *Ѳьдосѧ*; 2) *Сьмьна — Ильѧ*. Например, Настасья заказывает иконы с ликом свв. Анастасии, Марфы, Марии и Яны (?) [НГБ 1986: 58]. В таком случае более вероятно, что речь идет об одной из многочисленных святых по имени *Анна*.

Существенно, что в берестяных грамотах графическое воплощение *Ана* и формы *Яна*, *Янка* находятся в отношениях дополнительной дистрибуции. *Ана* встречается только с XIII в., тогда как **Ѧна** и **Ѧнъка**, напротив, обнаруживаются только в текстах до XII в.:

(22) **ѿ ане покло ко климѧте** (БГ-531, XIII в.);

(23) **поклоно анѣ** (БГ-477, XIV в.).

В текстах других жанров *Ана* фиксируется значительно раньше: Анна Ярославна подписывается как **Ана ръина** (1063) [Шишкин 2020: 37], а в Остромировом евангелии графическое воплощение **Ана** закономерным образом встречается чаще, чем **Анна**: **аны**, **аны** [ОЕ: лл. 218а, 283а], **аннѣ** [Там же: л. 228а об.].

Мы не можем утверждать наверняка, имеем ли мы дело с нейтрализацией двух разных имен — *Анна* и *Иоанна* — в одной гипокористической форме[16] либо с возможным до определенного времени обозначением полного имени *Анна* как **Ѧна**.

В этом отношении весьма любопытно, как трактуется имя Янки Всеволодовны потомками:

> (24) **Глава 4. О блаженной великой княжнѣ инокинѣ Янусѣ и о добродѣтелехъ Ивана Митрополита**. Бысть же въ лѣто 6594-го сій благовѣрный великій князь Всеволодъ Ярославичь постави церковь во имя святаго апостола Андрея, ту же и монастырь дѣвическій согради, въ немъ же пострижеся благороднѣйшая дьщи его, великая княжна Анна, зовома[17] Янка, дѣвою сущи… (XVI в.) [Степенная книга: 174].

В форме *Януся*, вынесенной в заглавие статьи Степенной книги, отражается новая, изменившаяся прагматика употребления гипокористики. Формы, образованные с помощью суффиксов *иц-*, *к-* и др., в это время активно используются, чтобы подчеркнуть более низкий статус одного актора по отношению к другому, — как в контексте обращения князя к царю, так и в кабальных грамотах и актах. Это нормативное требование отражено, например, в новгородских писцовых (*Марьица*, *Машка*, *Огашка*, *Оринка* — конец XV в.) [ППКСР] и кабальных книгах (*Катеринка*, *Маринка*, *Марьица*, *Матренка*, *Феклица*, *Ыстомка*) [НЗКК]. Поэтому книжник, зная, что княжна в летописи называется *Янкой*, но считая эту форму избыточно заниженной, использует современный ему, образованный по иной модели и не несущий пейоративного значения диминутив *Януся*.

В рукописи XVII в. Янка Всеволодовна похожим образом называется *Анной*, однако этот фрагмент принципиально иной по своему содержанию. Янка Всеволодовна называется «преподобной матерью Анной», с отдельным днем поминовения в месяцеслове:

> (25) *прп(д)бная мати анна, имянуема* **Ꙗ***нка. дщ҃и быс҃(т) велика(г) кн҃зя всеволода* **Ꙗ***рославича. внӯка(ж) греческа(г) цр҃я костя(н)тину. пострижеся*

[16] В связи с этим примечательно, что стяжение зияний *иа*, *иоа* порой могло порождать начальную *а* без йотации, как, например, в случаях *Иоаким — Яким — Аким* и *Иоанникий — Аникий*.

[17] Небезынтересно употребление конструкции «X, зовома Y» (в частности, в Степенной книге), которая вводит два способа обращения к одному человеку, как в следующих случаях: «Бяху же нѣкія двѣ жены, вдовы благоговѣйны: едина *именемъ Евдокія*, *зовома* же бѣ *Коломянька*, супружьница бывши нѣкоего воина Костромитянина…» [Степенная книга: 601]; «…имъ же бысть начальница благоговѣйная и благочинна старица, именемъ *Елена*, *зовома Девочькина*, монастыря Покровскаго изъ Сужьдаля, и прочіи съ нею избранніи иноки» [Там же: 604]. С помощью такой формулы могут вводиться не только разные формы одного имени, но и христианское крестильное имя с прозвищем.

дв҃ою сущи и мт҃рь устрои и множ че(р)норизницы совокупи(в), отиде к бг҃у в добро(м) ѹстроении [Месяцеслов: л. 330 об.].

Для нас существенно, что и *Янка*, и *Януся* в этих поздних источниках ретроспективно сближаются с антропонимом *Анна*, выступая в сознании книжника как его производные, а *Иоанна* даже не мыслится им как потенциальное имя княжны. В связи с этим возникает вопрос о том, почему со временем сложилась такая ситуация и насколько имя *Иоанна* вообще «конкурентоспособно» в качестве претендента на роль полной формы дериватов *Яна* / *Янка*.

История (не)распространения имени *Иоанна* на Руси

Как уже отмечалось, антропоним *Иоанн* был весьма распространенным. На это, в частности, напрямую влияло обилие свв. Иоаннов в месяцесловах[18]: у мальчика был статистически высок шанс родиться на день поминовения или в «календарных окрестностях» одного из святых с таким именем. Иначе ситуация обстоит в случае гипотетических девочек, называемых *Иоаннами*.

Святых женщин по имени *Иоанна* далеко не так много, как *Иоаннов*, — она всего-навсего одна. Более того, у жены-мироносицы Иоанны в древнерусских месяцесловах нет самостоятельного дня поминовения: только во время третьей недели по Пасхе вместе с остальными ученицами Христа — Марией Магдалиной, Марфой, Саломией и др. [ПМВ: 599]. Сразу обратим внимание на то, что среди жен-мироносиц особенно выделенной в перспективе имянаречения оказывается св. Мария Магдалина — в месяцесловах у нее есть отдельный день поминовения [Там же: 607, 617]. У св. Марфы такого дня нет, но популярность ее имени обеспечивается благодаря другим святым-тезкам[19]. Если же у св. жены-мироносицы не обнаруживается ни самостоятельной даты поминовения в календарных источниках, ни небесных тезок, как это происходит со св. Саломеей [Там же: 616], то и имя ее не фиксируется на Руси в домонгольское время.

О вероятности особого, отдельного почитания св. Иоанны в составе жен-мироносиц можно косвенно судить как по месяцесловам, так и по иконописи и фресковой живописи. Известно, что евангелисты упоминают разный состав тех, кто пришел ко Гробу Господню. Так, у Матфея Мария Магдалина и «другая» Мария пришли к мощам Иисуса (Мф. 28:1), у Марка — Мария Магдалина,

[18] В «Полном месяцеслове Востока» архиеп. Сергия Спасского насчитывается более 50 тезок-святых с таким именем [ПМВ: 599–600].

[19] Зафиксировано еще шесть других святых по имени *Марфа*, кроме Марфы, сестры Лазаря, с отдельными днями поминовения [ПМВ: 608].

Мария, мать Иакова, и Саломия (Мк. 16:1), у Луки — Мария Магдалина, Иоанна, Мария, мать Иакова, и «другие» (Лк. 24:10), а у Иоанна — одна Мария Магдалина (Ин. 20:1), т. е. состав жен-мироносиц крайне подвижен. Центральной фигурой на иконах и фресках с женами-мироносицами является Мария Магдалина — остальные святые представлены несравненно менее индивидуализированно. На это указывает и варьирование числа жен, и отсутствие в распоряжении современных исследователей таких изображений, где были бы подписаны все их имена[20]. Если имя какой-либо жены-мироносицы и уточнено, то исключительно Марии Магдалины, но никак не св. Иоанны. В целом мотив с явлением двух ангелов женам-мироносицам, описанный исключительно в Евангелии от Луки, совсем не распространен в иконописи [ИЧС: 198], что, возможно, позволяет судить о некоторой маргинальности именно такой версии сюжета[21]. Храмовое строительство (новгородская и псковская церкви XV и XVI вв. соответственно) также не позволяет говорить ни о раннем почитании жен-мироносиц, ни — тем более — об индивидуальном культе какой-либо из них в домонгольской Руси [Петров и др. 1995: 4; Янин 2007: 85; Спегальский 1978: 214–215]. Иными словами, примет самостоятельного почитания св. Иоанны в домонгольское время не обнаруживается.

Для реконструкции имени Янки Всеволодовны это весьма значимо, поскольку на Руси имянаречение очень тесно связано с культом личных патрональных святых, тезоименитых нарекаемому. Здесь можно говорить о двустороннем воздействии: имена популярных святых охотнее давались в крещении; с другой стороны, имя святого, сделавшись крестильным именем знатного и могущественного человека, зачастую провоцировало бóльшую популярность этого святого. Случаев же, чтобы имя, отсутствующее в месяцесловах, давалось кому-либо в крещении, мы не знаем совсем.

Мы уже упоминали, что женское имя *Иоанна* в канонической форме не зафиксировано в берестяных грамотах и летописях, повествующих о домонгольском времени. Если говорить о времени более позднем, то это имя отсутствует и в подавляющем большинстве рассмотренных нами синодиков[22]. Более того, в поминальных книгах, по-видимому, вообще не представлены

[20] В иконописном собрании Н. П. Кондакова [1905] сюжет с приходом жен-мироносиц ко Гробу Господню и вовсе не зафиксирован.

[21] Кроме того, затрудняет бытование сюжета «Жены-мироносицы у Гроба» нередкое его объединение с другим сюжетом — «Явление женам Христа» [Антонова, Мнева 1963: 149].

[22] Наши рассуждения основаны на наблюдениях по синодикам Лисицкого монастыря (XIV–XV вв.) [СЛм], Ферапонтова (?) монастыря (XV–XVI вв.) [СФм], Троице-Сергиевой Лавры (XVI–XVII вв.) [СТСЛ], Иосифо-Волоколамского Успенского монастыря (середина XVIII в.) [СИВУм]. Хотя этот список, конечно, не вбирает все дошедшие до нас синодики, он, как кажется, относительно репрезентативен, поскольку охватывает промежуток с XIV по XVIII вв.

и формы *Ян* / *Яна*, хотя гипокористики *Яким* и *Яков* — дериваты с такой же инициалью — регулярно проникают в поминальные списки.

Отсутствие имени в синодиках и других источниках подобного типа более чем существенно, поскольку количество записанных в поминальных книгах персоналий может достигать нескольких тысяч. Этот источник наиболее репрезентативно предоставляет срез антропонимического репертуара и позволяет судить о светском и церковном наречении своей эпохи. Так, если христианского имени нет в синодиках XIV–XVIII вв., то с определенной долей уверенности можно считать, что оно не было хоть сколько-нибудь распространенным в эту эпоху ни у мирян, ни у монахов.

С точки зрения судьбы имени *Иоанна* на Руси не менее показательно, что уже довольно рано оно может заменяться на *Анна* в богослужебных книгах. Так, одна из жен-мироносиц ошибочно называется **Анна* в евангелиях и цветных триодях. Конечно, эта мена не повсеместна — так, в Остромировом и Мстиславовом евангелиях, равно как и в южнославянских Зографском и Ассеманиевом, фигурирует жена-мироносица *Иоанна*[23], однако она может называться **Анна*, что мы наблюдаем в некоторых древнерусских рукописях XII в.:

(26) **бѣаше же мариѧ магдалыни и анна и мариа и іаковла и прочаа съ ними** [РЕ 1: л. 132];

(27) **бѧхоу же м҃рыѧ магдалыни и аньна и м҃рыѧ иіаковла и прочаа с ними** [РЕ 2: л. 486][24].

Во фрагментах (26) и (27) упоминается некая **Анна*, которая не входит ни в один из «составов» жен-мироносиц, перечисленных у разных евангелистов. Едва ли можно интерпретировать запись **ианна** как искаженную форму канонического имени *Иоанна*. Последние две жены-мироносицы — **Анна*

Возможным исключением в этом отношении оказывается вхождение в синодике Ферапонтова (?) монастыря XVI в.: *Евѳимію. Агавона. Іѡанна. Григория. Іѡанна.* ***Іѡанну.*** *Евдокею. Маманта* [СФм: л. 17]. Этот случай можно одновременно интерпретировать и как поминовение женщины по имени *Иоанна*, и как ошибку писца, сбившегося в падеже при записи о поминовении мужчины *Иоанна*, — такого рода описки неоднократно встречаются в синодиках. Будучи одиночным, этот пример, конечно, не репрезентативен, поскольку требуется большее количество однозначных вхождений полной формы женского имени *Иоанна*, которые, возможно, будут обнаружены позднее.

[23] Вхождения женского имени *Иоанна* в евангельских текстах как южно-, так и восточнославянского происхождения собраны на основе [СДСП]. Под древнейшими евангелиями старославянского канона мы понимаем Мариинское, Зографское четвероевангелия, Ассеманиево и Остромирово евангелия-апракос.

[24] См. подробнее в прил. 1.

и *Мария* — вводятся с помощью повторяющегося союза *и*, которым в этом же месте греческой Библии соединяются имена Иоанны и Марии:

(28) ‘ἦσαν δὲ ἡ Μαγδαληνὴ Μαρία **καὶ Ἰωάννα καὶ Μαρία** ἡ Ἰακώβου *καὶ* αἱ λοιπαὶ σὺν ἔλεγον’ (см. параллельный греческий текст в издании [ОЕ: л. 206 об.]).

Как кажется, именно перевод на славянский язык провоцирует ошибку в написании слова *Иоанна*, исказив его до популярного имени *Анна*. В древнегреческом языке графическое и фонетическое воплощения имени Ἰωάννα и союза καὶ ‘и’ разительно отличаются друг от друга. В церковнославянском тексте же образуется последовательность из двух «и» («**и І**wана, и Маріѧ»), одну из которых писец может невольно пропустить. Иными словами, никакой греческий текст не дает основания для смешения — в отличие от всякого славянского перевода. Показательно, что и исходная синтаксическая конструкция, и ошибочная мироносица **Анна* сохраняются в евангелиях XIV в.:

(29) **бѣше же м҃рїѧ магдалыни и аньна и м҃рїа и іаковлѧ и прочаѧ с ними** [РЕ 3: л. 117 об.].

Помимо всего прочего, такого рода однонаправленное перевоплощение *Иоанны* в *Анну* позволяет увидеть в этих текстах обычную процедуру замены необычного и малоизвестного (*Иоанна*) на привычное и знакомое (*Анна*), что само по себе, разумеется, говорит не в пользу освоенности имени *Иоанна* в эту эпоху.

Единообразное и верное отражение имени этой жены-мироносицы не прослеживается и в более поздних памятниках. Из прил. 2, в котором показан выбор имени между *Анной* и *Иоанной* в печатных триодях XV–XVII вв., видно, что в книгах, изданных в московских типографиях с 1591 по 1653 г., св. Иоанна зачастую называется **Анна*, как в случае (30):

(30) *Первая М҃рїѧ Магдалины <…> Вторая же Саломіи <…> Третіѧ же ѡ҃ мироносицъ есть, Анна жена Хѹзанѧ <…> четвертаѧ же, и пѧтаѧ. Маріѧ и Марфа сестрѣ Лазаревѣ. Шестаѧ, Маріѧ Клеѡпина. Седмаѧ Сосанна* [ТрЦ][25].

В приведенной службе (30) «нехватка» в этом списке Иоанны, а также указание на то, что эта мироносица была женой Хузы, позволяют однозначно говорить: здесь подразумевается именно св. Иоанна, но ее имя вновь трансформируется в **Анна*, несмотря на то что синтаксически текст отличен от (27). Можно констатировать, что **Анна* подхватывается и в позднейшей книжной

[25] Мы цитируем список жен-мироносиц по одной книге, однако в других триодях **Анна Мироносица* встречается в идентичных фрагментах (см. прил. 2).

традиции XV–XVI вв. — уже независимо от смешения, вызванного славянским переводом греческого текста Евангелия.

Учитывая, что печатные цветные триоди были неоднократно опубликованы, подобная трансформация св. *Иоанны* в **Анну* оказывается тем более значимой. Видимо, к этому времени имя *Иоанна* не было актуализировано в книжной традиции — составители продолжили превращать его в *Анну*. Подчеркнем, что это не повсеместная ошибка, поскольку в печатных евангелиях-тетр того же времени, той же локализации и тех же типографий подобное не встречается [ПЕ 1: тетр. 26, л. 8; ПЕ 2: л. 347; ПЕ 3: л. 347; ПЕ 4: 642]. Вновь каноническая *Иоанна* систематически появляется в текстах московских триодей уже в период книжной справы, со второй половины XVII в.

Интересна в связи с этим роль региона печати текста. Так, львовские, киевские и краковские типографии сохраняют исходное имя мироносицы. Между тем **Анна* ошибочно появляется в составе жен-мироносиц еще и в виленском издании 1609 г.

Итак, периодическое однонаправленное смешение интересующих нас двух имен в перечислении жен-мироносиц началось еще в домонгольское время. Замены св. *Иоанны* на **Анну* могут свидетельствовать о малоизвестности первого имени даже в книжных, церковных кругах. Хотя эта ошибка-мена не была абсолютной, ее столь продолжительное воспроизведение все равно существенно. Более того, такие ошибки составителей задавали интенцию к дальнейшей маргинализации имени *Иоанна*.

Иоанна — «экзотическое», монашеское имя?

Даже крайняя редкость, маргинальность святого в той или иной традиции не исключает возможности назвать кого-либо в его честь. Известны случаи, когда имя не входит ни в один из дошедших до нас месяцесловов (или в таком виде не существует в принципе), однако человек — чаще всего монах — с таким именем есть. Выбор редких иноческих имен для пострижения монахинь на ранних этапах мог быть связан с малым количеством женских имен в месяцеслове или представлением о монашеском отказе от земного пола [Успенский Б., Успенский Ф. 2017: 142]. Женский иноческий антропонимический корпус в таком случае расширялся, во-первых, порождением новых имен, образованных от мужских основ; во-вторых, актуализацией редких святых и их имен из литургических или житийных текстов. При этом два таких способа могли совмещаться, например, при образовании женского имени от мужского имени крайне маргинального святого.

Принято считать, что эта практика оформилась в Московской Руси. Однако, как нам удалось установить, первые окказиональные женские имена от мужских основ образовывались уже в XII в. Так, *Гравриѧ* из несомненно монашеской БГ-503 [НГБ 1978: 100], скорее всего, является дериватом, переоформленным по женскому морфологическому роду, от мужского имени — крайне редкого *Гаврий* [Гиппиус, Зализняк 2016: 15] или распространенного на Руси *Гавриил* — с «предвосхищением» *р* из второго слога, как в БГ-1073 [Гиппиус, Сичинава 2021: 210]:

(31) **а ѧ за вы бга молю съдила и гравриѧ и мариѧ и олисава и домьника мънога же в[ы] лѣта** «…и я за вас Бога молю: Сдила и Гаврия (?) и Мария и Олисава и Домника — многая же вам лета» (БГ-503, XII в.);

(32) **ѿ граврили ко канадратоу** (БГ-1073, XIII в.).

Другим свидетельством трансформации мужских имен в женские в домонгольский период становится имя игуменьи монастыря св. Иоанна в Новгороде — *Фегния*, которое также не обнаруживается ни в одном из дошедших до нас месяцесловов [ПМВ: 623]:

(33) **В лѣто 6687 [1179]. Томь же лѣтѣ прѣставися раба божия Єлисава, игумения святого Иоанна; и поставиша на мѣстѣ ея Фегнию** [НПЛ: 36].

Единственным святым, обладающим именем с близкой основой, оказывается св. Феогний, один из сыновей св. Вассы [ПМВ: 623; Лосева 2001: 412]. Разумеется, упрощение сочетания *ео* в *е* не уникально и закономерно (ср. *Феодосия* — *Федосия*). Таким образом, случай с именем *Фегния* — это, по-видимому, еще один из ранних примеров, когда новое женское имя образуется от основы мужского антропонима. Хотя по большей части корпус монашеских имен в домонгольской Руси не изолирован от набора имен крестильных и один не противопоставлен другому, как это сложилось позднее [Успенский Б., Успенский Ф. 2017: 135], уже с XII в. в качестве монашеских имен порой используются специфические, нетривиальные антропонимы.

Нельзя ли предположить, что имя *Иоанна* у Янки Всеволодовны появилось благодаря сходной, хотя и не совсем тождественной, модели? В таком случае его использование подкреплялось бы сразу двумя факторами: существованием парного мужского имени *Иоанн* и изредка встречающейся в богослужебных текстах, но при этом отсутствующей в месяцесловах «экзотической» женской формы *Иоанна*.

Поскольку имени *Иоанна* нет в дошедших до нас месяцесловах, но оно содержится в литургических книгах, вероятность выбора этого имени в разных

ситуациях варьируется. Новорожденную девочку едва ли могли крестить *Иоанной*, а в случае выбора иноческого имени — под влиянием зарождающейся идеи об экзотичности монашеского именослова — такой выбор представляется в принципе возможным.

Откуда же в таком случае брались хотя и немногочисленные, но все же не единичные *Янки* в текстах конца XI — XII в.? Быть может, все они зовутся так в подражание знаменитой дочери киевского князя Янке Всеволодовне, чья роль в политической и церковной жизни Руси была настолько велика, что она ездила в Константинополь за митрополитом и, по-видимому (по крайней мере, в глазах соотечественников), могла оказывать какое-то влияние на его выбор?

Как кажется, здесь будет уместно обратить внимание на контрастирующую судьбу имени *Иоанна* / *Джоанна* (*Joanna*/*e*) в Западной Европе. Как и в Древней Руси, единственной известной здесь св. *Иоанной* была одна из жен-мироносиц, но в традиции западной церкви в связи с сюжетом о Гробе Господнем почитаются не жены-мироносицы, а три Марии (*Three Marys* / *Maries*) [Yonge 1884: 42]. Тем не менее в христианском европейском мире имя *Джоанна* становится со временем весьма и весьма популярным, хотя и далеко не таким расхожим, как *Джон*. Исследователи предполагают, что *Джоанна* вошло в употребление в честь одного из свв. Иоаннов, а не св. Иоанны [Ibid.]. Популярность эта сформировалась в XII в. на юге Франции, а затем носительницы этого имени вступали в браки с могущественными правителями, что сразу стало способствовать его распространению [см. подробнее: Ibid.].

Такая модель, когда имя, однажды данное знатной женщине, охотно подхватывается в ее окружении и в самых разных социальных стратах, очень актуальна и для христианского Востока. Однако на пути распространения имени *Иоанна* на Руси, несомненно, существовали трудности, в Европе отсутствовавшие. Едва ли все известные нам по источникам конца XI — XII в. *Янки* были монахинями, а в крещении они едва ли, как уже говорилось, могли получить это имя. В Западной Европе ничто не мешало девочке приобрести в качестве личного небесного покровителя по крестильному имени святого мужского пола. На Руси же такое невозможно [Литвина, Успенский 2019: 139], поскольку идея уподобления человека своему небесному патрону-тезке, связи с ним куда более сильна, чем в западной традиции, в рамках которой имя христианину вообще могло быть дано не в честь христианского святого, а таинство крещения не было так тесно переплетено с имянаречением.

В таком случае напрашивается предположение: если княжна Янка Всеволодовна и получила в монашестве экзотическое имя *Иоанна*, то благодаря ей

недолгую популярность получила лишь форма *Янка* как таковая, но употреблялась она применительно к тем, у кого в крещении было имя *Анна*. При такой трактовке оказывается вполне объяснимой и интерференция *Ана — А́на — Янка*, и то обстоятельство, что со временем, когда антропонимическая мода схлынула, формы *Янка* и *Яна* так легко и бесповоротно пропадают. Если они мыслились всего лишь как некоторые из дериватов популярного христианского имени *Анна*, их вытеснение другими производными формами от этого же имени могло пройти стремительно и безболезненно.

С другой стороны, не менее вероятной представляется и иная начальная точка развития этого сценария. Быть может, Янка Всеволодовна и сама носила имя *Анна*. Возрастающая популярность этого имени сочеталась с его фонетической необычностью на фоне всего доступного на Руси христианского антропонимикона[26], что делало, по-видимому, насущно необходимой его адаптацию путем образования некоего деривата. При этом уже существовавшая и весьма употребительная в домонгольской Руси производная форма *Ян* от мужского *Иоанн* могла осознаваться как очень близкая по звучанию и в определенном смысле парная по отношению к *Анна*, что провоцировало образование дериватов *Яна* / *Янка*.

Коль скоро такая форма оказалась пригодной для знаменитой княжны-инокини, она могла быть подхвачена в конце XI — XII в. и для других обладательниц имени *Анна*; со временем же ее распространенность пошла на спад.

Краткие выводы

Итак, казус именования Янки Всеволодовны весьма нетривиален сам по себе — мало кто из женщин домонгольского времени столь часто называется в летописании собственным личным именем, да и гипокористические формы имен достаточно редко используются применительно к монахиням, тем более если речь идет о столь ранней эпохе.

С лингвистической точки зрения формы *Яна* и *Янка* вполне могли бы быть дериватами от *Иоанна*, подобно тому как *Ян* — весьма популярная форма в Древней Руси — является производным от канонического *Иоанн*, из-за чего стоило бы считать, что полное имя Янки Всеволодовны — *Иоанна*. Однако

[26] Это единственное хоть сколько-нибудь распространенное на Руси христианское имя с неприкрытым [а] в первом ударном слоге. Какие-либо другие имена с подобными фонетическими характеристиками (*А́вель*, *А́гния*, *А́лла*) в древнерусском узусе не зафиксированы, а в более позднее время могли употребляться лишь в качестве монашеских, причем достаточно редко. Нехристианские же имена с неприкрытым [а] в первом ударном слоге в домонгольской Руси вообще неизвестны [Тупиков 1903].

против такой версии есть и весьма существенные возражения. В русских месяцесловах у св. Иоанны нет отдельного дня поминовения, в месяцесловах домонгольского времени такое имя не фигурирует вообще, никаких следов самостоятельного почитания этой святой жены-мироносицы не обнаруживается. Полная форма *Иоанна* в качестве личного имени не встречается у кого-либо из обитателей домонгольской Руси. И *Иоанна*, и *Яна* / *Янка* отсутствуют в синодиках XIV–XVII вв., что говорит о нераспространенности этого имени среди мирянок и монахинь. В богослужебных же текстах на Руси *Иоанна* периодически заменяется на *Анна* вплоть до Нового времени, что дополнительно свидетельствует в пользу маргинальности этого антропонима в сознании книжников. Все это позволяет утверждать, что имя *Иоанна* едва ли могло было быть получено Янкой Всеволодовной в крещении. При этом не исключено, что оно могло быть дано ей в качестве монашеского, окказионального, «экзотического» имени, как это происходило при наречении новгородской игуменьи *Фегнии* или инокини *Гаврии*. В таком случае хорошо объяснялось бы немедленное образование деривата *Янка*, который затем мог быть на некоторое время подхвачен и обладательницами крестильного имени *Анна*, а позже снизить свою популярность.

Более вероятным в свете всего вышеизложенного нам представляется, впрочем, что княжна Янка Всеволодовна и сама носила христианское имя *Анна*, которое в ту пору набирало популярность как в династии Рюриковичей, так и на Руси в целом. Фонетическая специфика этого антропонима — в сочетании с его все возрастающей распространенностью — могла вызвать к жизни не совсем обычный механизм порождения деривата. Соответственно, форма *Янка* могла появиться благодаря ассоциативному сближению *Анна* с уже существующим дериватом *Ян*. Фигура Янки Всеволодовны на некоторое время могла обеспечить этой форме определенную жизнеспособность, фактически сошедшую на нет в XIII–XIV вв. Досадно, впрочем, что, принимая такую версию развития антропонимической ситуации, мы не можем определить, получила ли княжна имя *Анна* в крещении или в иночестве и обрела ли она новое имя при постриге.

Приложение 1

Упоминание Иоанны Мироносицы в рукописных евангелиях X–XVII вв.

Источник	Имя	Локализация	Датировка	Лист / страница
Мариинское четвероевангелие (глаг.)	*Иоанна*	юж.-слав.	X–XI вв.	л. 308
Зографское четвероевангелие (глаг.)	*Иоанна*	юж.-слав.	X–XI вв.	л. 222
Ассеманиево евангелие-апракос (глаг.)	*Иоанна*	юж.-слав.	X–XI вв.	л. 155а
Остромирово евангелие	*Иоанна*	вост.-слав.	XI в. (1056–1057)	л. 206 об.
Мстиславово евангелие	*Иоанна*	вост.-слав.	XII в.	77в
Евангелие-тетр (РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. Ед. хр. 1)	*Анна*	вост.-слав.	XII в.	л. 132
Добрилово евангелие, Евангелие апракос (РГБ. Ф. 256. № 103. Ед. хр. 1283)	*Анна*	юж.-слав.	XII в. (1164)	л. 486
Явилово евангелие, Евангелие-тетр (РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. Ед. хр. 2)	*Анна*	псковский Ивановский монастырь	ок. 1341 г.	л. 117 об.
Евангелие-тетр (РГБ. Ф. 722. № 306)	*Иоанна*	б. м.	XV–XVI вв.	л. 449
Евангелие-тетр (РГБ. Ф. 916. № 338. Ед. хр. 424)	*Иоанна*	б. м.	XVI–XVII вв.	л. 422

Приложение 2

Упоминание Иоанны Мироносицы в печатных триодях XV–XVII вв.

Имя	Источник	Лист / страница
Иоанна	Триодь цветная. Краков : Тип. Швайпольта Фиоля, 1493	л. 92
Иоанна	Триодь цветная. Скутари, старанием Стефана Скадарского и типографа Занети, 1563	л. 101 об.
Анна	Триодь цветная. М. : [б. и.], 1591	л. 52
Анна	Триодь цветная. М. : Печ. Иван Андроников Невежин, 1604	л. 61
Анна	Триодь цветная. Вильна : [б. и.], 1609	л. 288

Окончание прил. 2

Имя	Источник	Лист / страница
Анна	Триодь цветная / печ. Кондрат Иванов. М. : Печатный двор, 1621	л. 61
Анна	Триодь цветная. М. : Печатный двор, 1630	л. 330
Иоанна	Триодь цветная. Киев : Тип. Лавры, 1631	с. 410
Анна	Триодь цветная. М. : Печатный двор, 1635	л. 330
Анна	Триодь цветная. М. : Печатный двор, 1640	л. 346 об.
Иоанна	Триодь цветная. Львов : Михаил Слезка, 1642	л. 237 об.
Иоанна	Триодь цветная. М. : Печатный двор, 1648	л. 304
Иоанна	Триодь цветная. Терговище : Печ. Иоанн Святогорец, 1649	л. 208
Анна	Триодь цветная. М. : Печатный двор, 1653	л. 258
Иоанна	Триодь цветная. Львов : Тип. Братства, 1663	л. 227 об.
Иоанна	Триодь цветная. М. : Печатный двор, 1670	л. 86
Иоанна	Триодь цветная. М. : Печатный двор, 1680	л. 88

Сокращения

В названиях языков и диалектов

вост.-слав. восточнославянские языки
юж.-слав. южнославянские языки

Прочие

б. м. без указания места записи
глаг. глаголический

Источники

ДБГ — Древнерусские берестяные грамоты. URL: http://gramoty.ru/birchbark/

Ипат. — Полное собрание русских летописей : в 43 т. Т. 2 : Ипатьевская летопись / под ред. А. А. Шахматова. 2-е изд. СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1908.

ИЧС — Иконы из частных собраний: Русская иконопись XIV — начала XX века : каталог выставки / вступ. ст. В. М. Сорокатого, Н. И. Комашко. М. : Тетру, 2004.

Кондаков Н. П. Лицевой иконописный подлинник. Иконография Господа Бога и Спаса Нашего Иисуса Христа. СПб. : Ком. попечительства о рус. иконописи, 1905.

Лавр. — Полное собрание русских летописей : в 43 т. Т. 1 : Лаврентьевская летопись / под ред. А. А. Шахматова. 2-е изд. СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1908.

Месяцеслов // РГБ. МДА. № 201.

Минея — Минея служебная, ноябрь // РГАДА. Ф. 381. № 91.

НЗКК — Новгородские записные кабальные книги 100–104 и 111 годов (1591–1596 и 1602–1603 гг.) / под ред. А. Я. Яковлева. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1938.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru
НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / отв. ред. М. Н. Тихомиров. М. : Изд-во АН СССР, 1950.
ОЕ — Остромирово евангелие 1056–1057 года / по изд. А. Х. Востокова. М. : Языки славянских культур, 2007.
ПДКП — Памятники древнерусского канонического права : в 6 т. / под ред. А. С. Павлова. СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1908. Т. 6.
ПЕ 1 — Евангелие-тетр. М. : Анонимная типография, ок. 1564 // НБ МГУ. 50h 966.
ПЕ 2 — Евангелие-тетр. М. : Печатный двор, 1627 // НБ МГУ. 50h 673.
ПЕ 3 — Евангелие-тетр. М. : Печатный двор, 1633 // НБ МГУ. 50h 674.
ПЕ 4 — Евангелие-тетр. М. : Печатный двор, 1677 // НБ МГУ. 50h 671.
ПМВ — *Сергий (Спасский), архиеп.* Полный месяцеслов Востока. М. : Правосл. энцикл., 1997.
ППКСР — Писцовые и переписные книги Старой Руссы конца XV–XVII вв. / сост. И. Ю. Анкудинов. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2009.
Раппопорт П. А. Русская архитектура X–XIII вв. : каталог памятников. Л. : Наука, 1982.
РБС — Русский биографический словарь. Т. 2 : Алексинский — Бестужев-Рюмин. СПб. : Тип. Гл. упр. уделов, 1900.
РЕ 1 — Евангелие-тетр // РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. Ед. хр. 1.
РЕ 2 — Евангелие апракос // РГБ. Ф. 256. № 103. Ед. хр. 1283.
РЕ 3 — Евангелие-тетр // РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. Ед. хр. 2.
СДСП — Словарь древнейших старославянских памятников. URL: http://gorazd.org/?q=ru/node/25
СИВУм — Синодик Иосифо-Волоколамского Успенского монастыря // РГБ. Ф. 218. № 465.
СЛм — Синодик Лисицкого Рождества Богородицы монастыря // РГАДА. Ф. 381 (Синод. тип.). № 141.
Спегальский Ю. П. Псков: Архитектурно-художественные памятники XII–XVII веков. Л. : Искусство, 1978.
Степенная книга — Полное собрание русских летописей : в 43 т. Т. 21 : Книга Степенная царского родословия / под ред. П. Г. Васенко. СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1908.
СТСЛ — Синодик Троице-Сергиевой Лавры // РГБ. Ф. 304.1. № 43. Ед. хр. 1357.
СФм — Синодик Ферапонтова монастыря // РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Ед. хр. 539.
Татищев В. Н. История российская : в 7 т. М. : Наука, 1963. Т. 2.
ТрЦ — Триодь цветная / печ. Кондрат Иванов. М. : Печатный двор, 1621 // НБ МГУ. 2Fa 175.
Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1903.
Эклога: Византийский законодательный свод VIII века / пер. Е. Э. Липшиц. М. : Наука, 1965.
Янин 2007 — Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков : энцикл. сл. / отв. ред. В. Л. Янин. СПб. : Нестор-История, 2007.
HJP — Hrvatski jezični portal. URL: https://hjp.znanje.hr/

Исследования

Антонова В. И., *Мнева Н. Е.* Каталог древнерусской живописи XI — начала XVIII в. Опыт историко-художественной классификации : в 2 т. М. : Искусство, 1963. Т. 1.
Буденная Е. В. Гипокористические формы христианских имен в древнерусском языке // Вопросы языкознания. 2021. № 3. С. 26–46. https://doi.org/10.31857/0373-658X.2021.3.26-46
Гиппиус А. А., *Зализняк А. А.* Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2015 г. // Вопросы языкознания. 2016. № 4. С. 7–17. https://doi.org/10.31857/S0373658X0001047-0

Гиппиус А. А., *Сичинава Д. В.* Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот [XIII] // Русский язык в научном освещении. 2021. № 2. С. 178–259. https://doi.org/10.31912/rjano-2021.2.9

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М. : Языки славянской культуры, 2004.

Литвина А. Ф., *Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М. : Индрик, 2006.

Литвина А. Ф., *Успенский Ф. Б.* Мужское *vs* женское в контексте светской христианской двуименности на Руси XVI–XVII вв. // Slověne. 2019. Vol. 8, No. 1. P. 133–161. https://doi.org/10.31168/2305-6754.2019.8.1.5

Лосева О. В. Русские месяцесловы XI–XIV веков. М. : Памятники исторической мысли, 2001.

Медынцева А. А. Грамотность в Древней Руси: По материалам эпиграфики X — первой половины XIII века. М. : Наука, 2000.

Михеев С. М. Минеи двух Домок. Еще раз о писцах служебных миней из новгородского Лазарева монастыря // Slověne. 2019. Vol. 8, No. 2. P. 7–56. https://doi.org/10.31168/2305-6754.2019.8.2.1

НГБ 1953 — *Арциховский А. В.*, *Тихомиров М. Н.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М. : Изд-во АН СССР, 1953.

НГБ 1978 — *Арциховский А. В.*, *Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). М. : Наука, 1978.

НГБ 1986 — *Янин В. Л.*, *Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М. : Наука, 1986.

Павлов А. С. 50-я глава Кормчей книги как исторический и практический источник русского брачного права. М. : Унив. тип., 1887.

Петров Д. А., *Филиппова Л. А.*, *Кузьмина Н. Н.* Церковь жен-мироносиц в Новгороде (материалы и исследования). М. : [б. и.], 1995.

Успенский Б. А. Из истории русских канонических имен. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1969.

Успенский Б. А., *Успенский Ф. Б.* Иноческие имена на Руси. М. ; СПб. : Ин-т славяноведения РАН : Нестор-История, 2017.

Успенский Ф. Б., *Литвина А. Ф.* Русская христианская двуименность в филологической перспективе — из ономастического комментария к «Временнику» Ивана Тимофеева // Slavistična Revija. 2018. T. 66, No. 3. S. 333–354.

Шишкин В. В. Грамоты Анны Ярославны, королевы Франции (1051/55–1075) // Средние века. 2020. Вып. 81 (3). С. 19–50. https://doi.org/10.7868/S0131878020030010

Yonge C. M. History of Christian Names. London : Macmillan, 1884.

References

Antonova, V. I., & Mneva, N. E. (1963). *Katalog drevnerusskoi zhivopisi XI — nachala XVIII v. Opyt istoriko-khudozhestvennoi klassifikatsii* [Catalogue of Old Russian Paintings from the 11th to the Early 18th Century: Historical and Artistic Classification] (Vol. 1). Moscow*:* Iskusstvo*.*

Artsikhovsky, A. V., & Tikhomirov, M. N. (1953). *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1951 g.)* [Novgorod Birchbark Letters (Excavations of 1951)]. Moscow: Izd-vo AN SSSR.

Artsikhovsky, A. V., & Yanin, V. L. (1978). *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1962–1976 gg.)* [Novgorod Birchbark Letters (Excavations 1962–1976)]. Moscow: Nauka.

Budennaya, E. V. (2021). Gipokoristicheskie formy khristianskikh imen v drevnerusskom iazyke [Hypocoristic Forms of Christian Names in Old Russian]. *Voprosy jazykoznanija*, 3, 26–46. https://doi.org/10.31857/0373-658X.2021.3.26-46

Gippius, A. A., & Sichinava, D. V. (2021). Popravki i zamechaniia k chteniiu ranee opublikovannykh berestianykh gramot [XIII] [Corrections and Comments on the Reading of Previously Published Birchbark Letters (13)]. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 178–259. https://doi.org/10.31912/rjano-2021.2.9

Gippius, A. A., & Zaliznyak, A. A. (2016). Berestianye gramoty iz novgorodskikh raskopok 2015 g. [Birchbark Letters from Novgorod Excavations of 2015]. *Voprosy jazykoznanija*, 4, 7–17. https://doi.org/10.31857/S0373658X0001047-0

Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (2006). *Vybor imeni u russkikh kniazei v X–XVI vv. Dinasticheskaia istoriia skvoz' prizmu antroponimiki* [The Choice of Names among Russian Princes in the 10th–16th Centuries: Dynastic History Through the Lens of Anthroponymy]. Moscow: Indrik.

Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (2019). Muzhskoe vs zhenskoe v kontekste svetskoi khristianskoi dvuimennosti na Rusi XVI–XVII vv. [Male vs. Female in the Context of Secular Christian Bilingualism in Rus' in the 16th–17th Centuries]. *Slověne*, *8*(1), 133–161. https://doi.org/10.31168/2305-6754.2019.8.1.5

Loseva, O. V. (2001). *Russkie mesiatseslovy XI–XIV vekov* [Russian Calendar Lists in the 11th–14th Centuries]. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli.

Medyntseva, A. A. (2000). *Gramotnost' v Drevnei Rusi: Po materialam epigrafiki X — pervoi poloviny XIII veka* [Literacy in Kievan Rus': Based on Epigraphic Materials of the 10th — Early 13th Centuries]. Moscow: Nauka.

Mikheev, S. M. (2019). Minei dvukh Domok. Eshche raz o pistsakh sluzhebnykh minei iz novgorodskogo Lazareva monastyria [The Menaia of Two Domkas. Once More on the Scribes of the Menaia from the Novgorod Convent of St. Lazarus]. *Slověne*, *8*(2), 7–56. https://doi.org/10.31168/2305-6754.2019.8.2.1

Pavlov, A. S. (1887). *50-ia glava Kormchei knigi kak istoricheskii i prakticheskii istochnik russkogo brachnogo prava* [Chapter 50 of the Kormchaya Kniga as a Historical and Practical Source of Russian Marital Law]. Moscow: Univ. tip.

Petrov, D. A., Filippova, L. A., & Kuz'mina, N. N. (1995). *Tserkov' zhen-mironosits v Novgorode (materialy i issledovaniia)* [The Church of the Myrrh-bearers in Novgorod (Materials and Research)]. Moscow: [s. n.].

Shishkin, V. V. (2020). Gramoty Anny Iaroslavny, korolevy Frantsii (1051/55–1075) [The Letters of Anna Yaroslavna, Queen of France (1051/55–1075)]. *Srednie veka*, 81(3), 19–50. https://doi.org/10.7868/S0131878020030010

Uspenskij, B. A. (1969). *Iz istorii russkikh kanonicheskikh imen* [On the History of Russian Canonical Names]. Moscow: Moscow State University.

Uspenskij, B. A., & Uspenskij, F. B. (2017). *Inocheskie imena na Rusi* [Monastic Names in Rus']. Moscow; St Petersburg: In-t slavianovedeniia RAN; Nestor-Istoriia.

Uspenskij, F. B., & Litvina, A. F. (2018). Russkaia khristianskaia dvuimennost' v filologicheskoi perspektive — iz onomasticheskogo kommentariia k "Vremenniku" Ivana Timofeeva [Russian Christian Bilingualism from a Philological Perspective — From the Onomastic Commentary to Ivan Timofeev's Vremennik]. *Slavistična Revija, 66*(3), 333–354.

Yanin, V. L., & Zaliznyak, A. A. (1986). *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1977–1983 gg.). Kommentarii i slovoukazatel' k berestianym gramotam (iz raskopok 1951–1983 gg.)* [Novgorod Birchbark Letters (Excavations 1977–1983). Commentaries and Index to Birchbark Letters (Excavations 1951–1983)]. Moscow: Nauka.

Yonge, C. M. (1884). *History of Christian Names*. London: Macmillan.

Zaliznyak, A. A. (2004). *Drevnenovgorodskii dialekt* [The Old Novgorod Dialect] (2nd ed.). Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.